

и ранее нередко в своих стенах католических священников, которые останавливались здесь на пути в далекую поездку на юг или на восток. Крупное торговое значение города привлекало туда немало западных и восточных (армянских, персидских и др.) купцов, немало было тут и западноевропейцев на русской службе. Для католической миссии могли здесь открыться различные возможности, и уже с конца XVII века Астрахань и ее край были в сфере внимания католических кругов. В этом смысле особенно интересны соображения посетившего Россию в 1698 году титулярного архиепископа Анкирского (Анкара «in partibus infidelium») Петра Павла Пальмы из Артуа, ордена Босоногих Кармелитов. Он ехал по политическому делу в Персию (возбуждать персов против турок) и на пути задержался в Москве и в Астрахани.⁷⁴ Пальма имел время и случай присмотреться к отношению русских к католикам и к обстановке в южном Поволжье и в Прикаспийском крае. Его представление в Рим по этому делу клонилося к признанию нужности и возможности развернуть католическую миссионерскую работу в этих местах. Русская православная среда и здесь, конечно, была закрыта для католической миссии, однако открывалась возможность оказывать влияние на неправославных и нехристианских обитателей обширной страны. Православная миссия, осуществлявшаяся здесь русским духовенством, не вполне исключала свободную конкуренцию иных исповеданий, в частности и католического, которому более или менее открыт был путь в среду прикаспийских калмыков, татар, и особенно многочисленных в Астрахани армян. Пальма из Астрахани обращал внимание Рима на это обстоятельство. Сравнительно скоро после его поездки на нижней Волге действительно возникло гнездо католических миссионеров, и если это не было прямым следствием указаний Пальмы, то все же он сыграл несомненную роль в осведомлении католического церковного центра о возможностях и целесообразности деятельности католической миссии у Каспия.

В своем донесении из Астрахани от 31 октября 1698 года архиепископ Анкирский указывал Конгрегации как на наличие известной дружественной Риму среды армян, очевидно униатов (среди них у него уже было много друзей), так и на перспективы деятельности среди католиков и татар. В частности, он сообщал о том, что некоторые татары — чиркасы (alcuni Tartari Cirkassi) употребляют название креста, имеют церковь, но живут без священников и проявляют большой интерес к получению образования или поучения. Пальма сообщал также, что он получил от астраханского губернатора (т. е. от Ивана Алексеевича Мусин-Пушкина) обещание принять одного священника из Персии или же из Польши и приютить его в своем доме в качестве учителя сыновей и помочь в организации цветущей миссии. Более того, губернатор обещал Пальме дать трех или четырех татарских и калмыцких детей для посылки в Рим, где они могли бы подготовиться для работы среди своих единоземников. Пальма надеялся даже со временем открыть семинарию для восточных людей. Архиепископ выражал надежду, что в Персии он сможет отыскать еще лиц, знакомых с армянским языком, которые могли бы послужить интересам армян-католиков в Астрахани. Пальма называл в своем письме одного из влиятельных астраханских армян-католиков — Челеби, хотя, по указанию губернатора, привязанность последнего к католической вере была сомнительной, иное дело — его брат, действовавший в Ше-

⁷⁴ См.: Е. Ф. Шмурло. Сборник документов, относящихся к истории царствования имп. Петра Великого, т. I, стр. 216, 222, 233, 285, 598—599, 601, 634—635, 676; Д. В. Цветаев. Из истории иностранных исповеданий в Московском государстве XVI—XVIII вв., стр. 444—446; P. Pierling. La Russie et le Saint-Siège, vol. IV, p. 146; Dukmeyer. Korbs Diarium, I, SS. 64, 191—194.